

Ковш О.А. (Мінськ, Білорусія)
**Риторические вопросы как средство выражения недоверия
(на материале болгарского языка)**

У статті аналізуються риторичні питання з семантикою недовіри в болгарській мові, простежується їх функціонування в діалогічному мовленні. Основою таких риторичних питань виступає імпліцитне заперечення. Виділено два основні типи риторичних питань зі значенням недовіри – займенникові й незайменникові. До першого типу віднесені РП-повтори, РП-кліше, до другого – загальні РП, РП-епістемі, РП-кліше з абсурдною семантикою, котрі відображають синкретизм іронії і недовіри й виступають спеціальним засобом вираження недовіри в болгарській мові.

Ключові слова: болгарська мова, діалог, недовіра, риторичне питання, опосередкований мовленнєвий акт.

В статье анализируются риторические вопросы с семантикой недоверия в болгарском языке, прослеживается их функционирование в диалогической речи. Основой таких риторических вопросов является имплицитное отрицание. Выделено два основных типа риторических вопросов со значением недоверия – местоименные и неместоименные. К первому типу отнесены РВ-повторы, РВ-клише, ко второму – общие РВ, РВ-эпистемы, РВ-клише с абсурдной семантикой и альтернативные РВ. Риторические вопросы-клише с абсурдной семантикой, отражающие синкретизм иронии и недоверия, являются специальным средством выражения недоверия в болгарском языке.

Ключевые слова: болгарский язык, диалог, недоверие, риторический вопрос, косвенный речевой акт;

The article is devoted to the analysis of rhetorical questions with semantics of distrust in the Bulgarian language and their functioning in dialogical speech. Such rhetorical questions are based on indirect negation. There are two basic types of rhetorical questions with the meaning of distrust – pronominal and not-pronominal. The first type includes RQ-repetitions, RQ-cliches, the second – general RQ, RQ-epistemy, RQ-cliches with absurd semantics and alternative RQ. Rhetorical questions-cliches with absurd semantics, reflecting syncretism of irony and distrust, are special means for expressing distrust in the Bulgarian language.

Key words: the Bulgarian language, the dialogue, distrust, the rhetorical question, the indirect speech act.

Анализ риторических вопросов (далее – РВ) как непрямого способа речевого реагирования по-прежнему актуален и вызывает интерес лингвистов [1, 3-8 и др.]. Среди главных характеристик РВ авторы упоминают: несоответствие формы и содержания, одновременное действие вопросительной и асертивной составляющих, «полярность» (это вопросы обратной констатации), широту и размытость значения, высокую экспрессивность и эмоциональную насыщенность. Их функционирование в диалоге предполагает наличие взаимодействующих друг с другом коммуникантов, одному из которых отводится роль «регистратора», от которого не требуется ответа. Целенаправленность РВ исследователи сводят к усилению эмоционального воздействия на собеседника и передаче целого ряда чувств и эмоций – негодования, неодобрения, возмущения, удивления, восхищения и др.; РВ считают диффузным объединением

нескольких речевых актов [см., например, 7].

РВ нередко используются для экспликации недоверчивой коммуникативной позиции говорящего. Это всегда вопросы с имплицитным отрицанием. Мы полагаем, что говорящий прибегает к такому способу реагирования при желании косвенно, но категорично заявить о своем недоверии собеседнику, т.к. «...против РВ трудно непосредственно возражать и их невозможно прямо опровергнуть. В этом сила РВ как средства речевой агрессии, полемики и демагогии» [7].

Следуя упоминаемым в литературе классификациям вопросительных высказываний, РВ с семантикой недоверия можно разделить на две группы: 1) местоименные вопросы и 2) неместоименные вопросы.

В группе местоименных РВ рассматриваются:

а) РВ-повторы, которые вводятся вопросительными местоимениями (*какъв, какво, каква, къде, кой* и др.) и повторяют лексический состав инициальной реплики:

– *Може да е имало нещо скрито в нея – предположи Стефан.* ‘Может быть, в ней было что-то спрятано, – предположил Стефан’.

– *Какво може да има скрито в железничарска фуражка – погледна ги накриво Димов.* – *Освен някой фас...* ‘Что может быть спрятано в фуражке железнодорожника, – посмотрел на них косо Димов. – Кроме какого-нибудь окурка...’ (П. Вежинов. Прилепите летят ночью).

И еще:

Синът. *Някой наездник турчин го е направил.* ‘Сын. Какой-то турецкий наездник сделал это’.

Първи посетител/бащата. *Кой ще ти повярва, бе, кратуно празна!...* ‘Первый посетитель/отец. Кто тебе поверит, ты, пустая башка!’ (П. Дойнов. Къщата на Иван).

б) РВ-клише, апеллирующие к речевой опытности говорящего: *Кому ги разправяш? Кому продаваш тия зелени краставици? На кого ги продаваш тия? На мене ли тези номера?* и др.:

– *Майка ми не беше добре, затова не дойдох снощи.* ‘Моей матери было плохо, поэтому я не пришел вчера вечером’.

– *На мене ли тия?* – *смигна Шефа.* ‘Ты кому это заливаешь? – подмигнул Шеф’ (Е. Манов. Синът на директора).

В группу неместоименных РВ включаются:

а) общие РВ, для которых характерно отсутствие специальной семантики:

– *Спасител в ръжта! – каза тя презрително.* – *Квалифициран изпращач.* *На таква като теб може ли да има човек доверие!* ‘Спаситель во ржи, – сказала она презрительно. – Квалифицированный провожатый. Может ли доверять человек таким, как ты!’ (П. Вежинов. Нощем с белите коне).

б) РВ-эпистемы, используя которые, говорящий апеллирует к знанию собеседника (*мислиш ‘думаеш’, смяташ ‘считаеш’* и т.д.), запрашивая информацию о собственном состоянии веры (*вярвам ‘верить’, възприемам ‘думате серьезно’ ‘воспринимать слова серьезно’* и т.д.):

– *А откъде си взел часовника и пръстена?* ‘А откуда ты взял эти часы и кольцо?’

– *Познати туристи от Германия, минали транзит.* ‘У знакомых туристов

из Германии, которые ехали транзитом’

– *Интересно, Махмуд, смяташ ли, че винаги ти вярвам?* ‘Интересно, Махмуд, ты считаешь, что я всегда тебе верю?’ (Б. Крумов. Отрова за бриллианти).

А также:

– ... *Поне сега, когато дните ви са преброени, трябва да се смирите...* ‘Хотя бы сейчас, когда ваши дни сочтены, вы должны смириться...’

– *Отец Манчерони, вие наистина ли си мислите, че ще възприемам сериозно думите ви?* – *усмихна се иронично българинът* ‘Отец Манчерони, вы действительно думаете, что я отнесусь к вашим словам серьезно?’ (Л. Пеевски. Очите на професор Самберг).

в) РВ-клише с абсурдной семантикой, которые являются специальным средством выражения недоверия в болгарском языке. Запрос очевидной информации создает иронический эффект. Эти вопросы, как правило, ориентированы на запрос информации об общеизвестных истинах: *Баба ти госпожица ли е?* ‘Твоя бабушка барышня?’; *Баба ти мома ли е?* ‘Твоя бабушка девушка?’; *Варена пшеница никне ли?* ‘Восходит ли вареная пшеница’, *Видял ли си змия да си покаже нозете?* ‘Ты видел, чтобы змея показывала ноги?’, *Вълк слама яде ли?* ‘Ест ли волк солому?’, *Вълк куче става ли?* ‘Становится ли волк собакой?’ *Върба грозде ражда ли?* ‘Дает ли верба виноград?’, *Дьрт циганин ковач става ли?* ‘Становится ли старый цыган кузнецом?’, *Евреин гайда свири ли?* ‘Играет ли еврей на волынке?’, *Живо ли е магарето, което се обеси миналата година?* ‘Жив ли тот осел, что повесился в прошлом году?’, *Заек с мечка бори ли се?* ‘Борется ли заяц с медведем?’, *Зер и от върба чекаш да роди маслини?* ‘Неужели ты ждешь, что верба даст маслины?’, *Знае ли свиня що е диня?* ‘Знает ли свинья, что такое арбуз?’, *Камила гайтан плете ли?* ‘Плетет ли верблюд шнур?’, *Кон боб яде ли?* ‘Ест ли конь бобы?’, *Котка оцет тие ли?* ‘Пьет ли кошка уксус?’, *Може ли крушията да роди ябълки?* ‘Может ли груша дать яблоки?’, *Мъртъв кон рита ли?* ‘Лягается ли мертвый конь?’, *Обръсваш ли се на припек?* ‘Ты бреешься на солнцепёке?’, *Отбира ли магаре от магданоз?* ‘Разбирается ли осел в петрушке?’, *От варено яйце тиле измътва ли се?* ‘Вылупливается ли из вареного яйца цыпленок?’, *Трънка праскови ражда ли?* ‘Дает ли терновник персики?’ и др.

Используя этот тип РВ, говорящий может запрашивать информацию о неречевом поведении собеседника, категорично заявляя о его лживых речевых действиях (*Кога лъжеш зад вратата ли гледаш?* ‘Ты когда врешь, за двери смотришь?’, *Ти като лъжеш къде гледаш?* ‘Ты когда врешь, куда смотришь?’); разоблачать речевого партнера через абсурдные параллели, определяющие истинное состояние говорящего (*Да не гризкам вакса/пирони?* ‘Я случайно не грызу ваксу/гвозди?’, *Да ти приличам на телефона кабинка?* ‘Я похож на телефонную кабинку?’, *Така като ме гледаш на какво ти приличам?* Ты когда так на меня смотришь, кого я напоминаю?); апеллировать к неадекватному состоянию собеседника – нетрезвому состоянию, состоянию сна и т.д. (*Да не си тил газиран мензис от бесна лисица?* ‘Ты случайно не пил газированные выделения бешеной лисицы?’, *И като се събуди, какво видя/стана?* ‘И когда ты проснулся, что ты увидел / произошло?’), причислять собеседника или подчеркивать его близость к одной из социальных групп, для которой, по

стереотипним представленням, свойственно лживое речевое поведение (*Покрай вас арменци живеят ли? 'Около вас живут армяне?' и др.*).

Генералшата. ...*Но той само така – набързо ме целуна. Впи устни... 'Жена генерала. ...Но он только так – быстро меня поцеловал. Впились губами...'*

Жана (*подигравателно*). **И като се събуди, какво видя?** 'Жана (насмешливо). И когда ты проснулась, что увидела?' (П. Дойнов. Жана и Александр).

Одной из ярких особенностей болгарской речевой культуры является использование иллюстративного жеста, который всегда сопровождается абсурдным риторический вопрос (*Плава ли параход? 'Параход плывет?', През окото ми кораб минава ли? 'Плавает ли в моем глазу корабль?', Тука лодка минава ли? 'Проходит ли здесь лодка?' и др.*) и заключается в том, что правый указательный палец говорящего размещается в правом углу правого глаза и оттягивает вниз всю правую часть века [2, с. 204].

г) альтернативные РВ, объединяющие в своем составе два однотипных общих вопроса (за исключением – *Ти луд ли си или да? 'Ты сумасшедший, или да?'*), которые соединяются посредством разделительного союза *или*:

– *Вие... глупак ли сте, или нас смятате за глупаци?* 'Вы... дурак, или нас считаете дураками?' (Д. Пеев. Аберацию иктус).

– *Вие бълнувате ли, или говорите сериозно?* 'Вы бредите или говорите серьезно?' (А. Гуляшки. Яков и дьявола).

Эти вопросы, как правило, не требуют ответа со стороны собеседника. Если же ответная реакция присутствует, то она заключает в себе «нейтральную» альтернативу, которая не ущемляет интересы ни одного из участников коммуникации (*говоря сериозно 'говорю серьезно' и т.д.*).

При выражении недоверия с помощью альтернативных конструкций одна часть вопроса – это запрос информации об адекватности физического состояния собеседника (*Вие бълнувате ли? 'Вы бредите?' и др.*) или его интеллектуальных способностях (*Вие глупак ли сте? 'Вы дурак?' и др.*), а вторая часть – это, как правило, запрос об истинности и существенности содержания реплики собеседника (*Или говорите сериозно? 'Или говорите серьезно?' и др.*).

Нередки ситуации, когда эксплицируется только одна из альтернатив, причем с обязательным включением в реплику разделительного союза *или*:

– *Не е съвсем безинтересен. И ако искаш да знаеш, дори не е лош.* 'Не то, чтобы совсем не интересный. Если хочешь знать, даже неплох'.

– *Ти шегуваши ли се или...?* 'Ты шутишь или...?'

– *Говоря сериозно 'Говорю серьезно'* (Д. Василев. Аз и непознатият).

В этом случае альтернативные вопросы представляют собой независимые высказывания или реплики-подхватывы. Последние представляют собой ответные реакции, которые являются структурно-семантическим продолжением инициальной реплики:

– *Ей богу не разбирам.* 'Ей богу не понимаю'.

– **Или се правите, че не разбирате?** 'Или делаете вид, что не понимаете?' (А. Гуляшки. История с кучета).

Возможность такого употребления служит своего рода доказательством того, что «альтернативные вопросы представляют собой развернутую трансформацию обычного общего вопроса, в котором имплицитная

альтернатива общего вопроса становится эксплицитной при условии лексической равнозначности группы» [3, с. 5].

Наряду с риторическими, в болгарском языке встречаются контекстуально обусловленные альтернативные вопросы: – ...*Наистина ли имаш работа, или те тегли нещо друго?* ‘У тебя действительно работа, или тебя гнетет что-то другое?’ (И. Мартинов. Портрет от натура), и альтернативные констатации: – ***Вие или се шегувате, или се подигравате!*** – каза огорчено капитан Петров ‘Вы или шутите, или насмехаетесь надо мной!’ – сказал огорченно капитан Петров’ (А. Гуляшки. История с кучета).

Заметим, что альтернативные утверждения, в отличие от вопросов, не допускают серьезной интерпретации речевых действий собеседника. Говорящий расценивает содержание реплик партнера по коммуникации как несоответствующее действительности – от шутки и розыгрыша до лжи и констатации неадекватности собеседника. При этом он уверенно заявляет о своих предположениях, в отличие от альтернативных РВ, где говорящий неуверен в интерпретации действий собеседника и в своей коммуникативной позиции:

– *Не забеляза ли нещо особено? ‘Ты не заметил ничего особенного?’*

– *Нищо. ‘Ничего’.*

– ***Процавай, но или не си изрезнял след следнощното препиване, или не си искрен*** ‘Извини, но ты или не протрезвел после ночного перепоя, или не откровенен’ (Б. Крумов. На един алпийски връх).

Нередко говорящий, желая усилить свою позицию, прибегает к использованию нескольких риторических вопросов, последовательность которых «способствует нагнетанию напряжения, ведет к нарастанию коммуникативного динамизма» [6, 30]:

– *Но защо не е заклан Беровски, ами е забил ножа си в гърба на професора? ‘Но почему он не убил Берковского, а вонзил свой нож в спину профессора?’*

– *По погрешка! – каза Данчев... ‘По ошибке! – сказал Данчев...’*

– *Хубава работа! – изпъшка Манчев. – Ами де се следите от този идиот?*

Да не би да е седял с шапка невидимка в салона и с обувки от въздух, и с ръце, които не оставят следи? И търпеливо да е чакал своя час? ‘Хорошенькое дело! – простонал Манчев. – Где же тогда следы этого идиота? Не сидел ли он случайно с шапкой-невидимкой, и в обуви из воздуха, и с руками, которые не оставляют следы? И терпеливо ждал своего часа?’ (А. Гуляшки. Убийството на улица Чехов).

Подводя итоги сказанному, отметим, что одной из функций РВ является оформление недоверчивой позиции говорящего в диалоге. РВ со значением недоверия в болгарском языке представлены местоименными вопросами (РВ-повторы, РВ-клише) и неместоименными (общие РВ, РВ-эпистемы, РВ-клише с абсурдной семантикой, альтернативные РВ). РВ-клише с абсурдной семантикой, отражающие семантический синкретизм иронии и недоверия, являются специальным средством выражения недоверия в болгарском языке. Часть из них сопровождается особым для болгарской культуры жестом «указательный палец у нижнего века».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адрианова, А.П. Риторические вопросы в реагирующих репликах в вопросно-ответных диалогических единствах: (На материале болгарского языка) / А.П. Адрианова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. – 2000. – Вып. 3. – С. 121 – 124; 2. Анкова-Ничева, К. Нов фразеологичен речник на българския език / К. Анкова-Ничева. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. – 462 с.; 3. Вишневецкая, М.А. Альтернативные вопросительные предложения во французском языке: структура, семантика, прагматика: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.05 / М.А. Вишневецкая; Киев. нац. лингв. ун-т. – К., 2005. – 20 с.; 4. Масленникова, А.А. Место риторического вопроса в антропоцентрической парадигме / А.А. Масленникова // Антропоцентризм в языке и речи: межвуз. сб. / Отв. ред. проф. Л.П. Чахоян. – СПб., 2003. – С. 68 – 75; 5. Савова, Ив. «Защо»-репликите и модусно-диктумната структура на предходното изказване / Ив. Савова // Български език. – 1985. – Год. XXXV. Кн.1. – С. 66 – 73; 6. Чхетиани, Т.Д. Специализированные метакommункативные сигналы поддерживая речевого контакта / Т.Д. Чхетиани // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. – Краснодар, 1987. – С. 27 – 33; 7. Шатуновский, И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения / И.Б. Шатуновский // Агрессия в языке и речи [Электронный ресурс]: сборник научных статей / Под ред. И.А. Шаронова. – М., 2004. – С. 19 – 37. – Режим доступа: <http://il.rsub.ru/lib/aggr/03.pdf>. – Дата доступа: 29.07.2007.; 8. Frank, J. You call that a rhetorical question? Forms and functions of rhetorical questions in conversation / J. Frank // J. of pragmatics. – 1990. – Vol. 14, N 5. – P. 723 – 738.

Линник Т.Г. (Київ, Україна)

Фактори мовної соціалізації в ранньому дитячому віці

У статті розглядаються проблеми мовної соціалізації в ранньому дитинстві на прикладі української та інших мов. Досліджується роль мовного оточення, зокрема мовлення дорослих у ситуаціях спілкування з дітьми, роль культури й роль дитини як суб'єкта соціалізації.

Ключові слова: мовна соціалізація, фактори мовної соціалізації, дитина як об'єкт і суб'єкт соціалізації, «дитяче мовлення» дорослих, спрощений мовний код, культура.

В статье рассматриваются проблемы языковой социализации в раннем детстве (1;6-2;6) на примере украинского и других языков. Исследуется роль языкового окружения, в частности речь взрослых в ситуациях общения с детьми, роль культуры и роль ребенка как субъекта социализации.

Ключевые слова: языковая социализация, факторы языковой социализации, ребенок как объект и субъект социализации, "детская речь" взрослых, упрощенный языковой код, культура

The paper is concerned with the issue of language socialization of young children aged 1;6-2;6 with reference to Ukrainian and other languages. The focus is on the influence of linguistic environment, particularly caregiver speech, on the role of culture, as well as on age and the role of a child as a subject of socialization.

Key words: linguistic socialization, a child as a subject and an object of socialisation, "motherese", simplified language code, culture